

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904+739 ББК 63.4 85.1 DOI 10.25986/IRI.2018.74.4.007

Н. В. Жилина

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

ДРЕВНЕРУССКАЯ РЕЗЬБА И РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ: ХРОНОЛОГИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье осуществлен стилистический анализ орнаментации древнерусских деревянных изделий X — начала XIV в., а также рассмотрено развитие этой орнаментации внутри систематизированного ранее материала по древнерусской орнаментике. Большинство деревянных изделий имеет точные дендрохронологические даты. При сопоставлении орнаментальных изображений использована методика выделения кривых, лежащих в основе мотивов и элементов. В итоге удалось получить еще одну твердую хронологическую основу для подтверждения основных этапов стилистического развития древнерусского орнаментального искусства, а также обогатить за счет нового материала представление о развитии древнерусской орнаментики.

Ключевые слова: древнерусское искусство, орнаментация, резьба, роспись, дерево, стилистический анализ, этап, кривые

При изучении прикладного искусства важен подробный анализ стилистики, то есть формы орнаментальных элементов, мотивов, конкретная специфика линий, очерчивающих их. По таким чертам можно выделять произведения разного времени, что важно и для общей истории древнерусского прикладного искусства, и для более точного датирования произведений. Иконографический и стилистический анализ средневекового орнамента на основе выделения строящих изображения кривых применялся при изучении романской пластики и черневого зооморфного орнамента [Смирницкая, 1982]. Детальность анализа орнаментальных изображений увеличивает объективный научный компонент в применении стилистического анализа в декоративно-прикладном искусстве.

Орнаментика небольших вещей и украшений, которыми пользовался человек, находится в одном стилистическом и орнаментальном русле с произведениями живописи, белокаменной резьбы¹, многие из которых датированы с точностью до десятилетий. Поэтому разработка стилистики и проведение орнаментальных параллелей между разными видами искусства, использующими разные техники, перспективно.

¹ Свод мнений исследователей о происхождении древнерусской белокаменной резьбы приведен Л. И. Лившицем [Лившиц, с. 356, 357]. На наш взгляд, общее византийское влияние воплощалось в каждом регионе в своем варианте. Язык пластических форм был интернационален для Запада и Востока христианского мира [Лившиц, с. 427–431].

Работа в этом направлении была начата с украшений древнерусских кладов XI — первой трети XIII в., не имеющих узкой хронологической привязки. На основе стилистического анализа выделены три основных этапа развития орнаментики и в общих чертах определена их хронология, подтвержденная сравнением с датированными аналогиями из русского и византийского прикладного искусства, отдельными археологическими находками с узкой стратиграфической датой [Жилина, 2014а, с. 61—70, 88, 89, 115, 140, 160—162]. Более широкое сравнение орнаментики ювелирного искусства и белокаменной резьбы, живописи, миниатюры позволило встать на более твердую хронологическую почву, поскольку для многих произведений монументального и изобразительного искусства известна дата создания [Жилина, 2015; Жилина, 2016а; Zhilina]. В результате подтвердились и уточнились общая характеристика этапов развития орнаментики и его основная тенденция в декоративно-прикладном искусстве Руси. Очередной задачей стало использование произведений деревянной резьбы для сравнения с уже систематизированным материалом².

Ценность материала деревянной резьбы в анализе орнаментики и в целом для характеристики древнерусского декоративно-прикладного искусства очень велика. Среди произведений есть простые резные изделия, близкие народному искусству, традиции народной резьбы продолжают долгие века. Но есть также и произведения, отразившие те или иные стили времени, находящие параллели среди произведений других видов искусства.

Деревянной резьбе принадлежит важная роль сохранения богатого разнообразия, выработанного в орнаментике домонгольской Руси, включая местные и привнесенные традиции. После татаро-монгольского завоевания ювелирные искусства, основанные на тонких и сложных технических приемах и требовавшие драгоценных материалов, были либо утрачены, либо прервались на долгое время [Рыбаков, с. 534—538]. Но такой материал, как дерево, был постоянно рядом с человеком, его обработка не требовала редких и сложных инструментов [Пуцко, с. 20]. Этот необходимый и относительно простой в обработке материал можно благодарить за сохранение и продолжение орнаментальной культуры Древней Руси.

Деревянные изделия, известные по археологическим материалам Новгорода Великого, имеют точную дендрохронологическую дату, обозначаемую годами того или иного столетия. Сохранность деревянных изделий в культурном слое городов позволяет привлечь материал Старой Ладogi и Новгорода с IX—X в. Кроме того, Новгород не подвергся военному разорению. Благодаря всем этим обстоятельствам развитие орнаментики в резьбе и росписи по дереву оказывается непрерывным до XV в.

Деревянные изделия привлекают большое внимание исследователей. Основой многопланового изучения для многих стали своды резного дерева из раскопок с точной характеристикой и атрибуцией произведений [Колчин; Wood Use]. Многочисленны общие обзорные работы [Бибикова; Леонов, Померанцев; Василенко; Бочаров; Пуцко].

Самые популярные аспекты исследования: сакральный характер деревянных изделий и скульптуры, ее назначение, типология [Дубровин; Панова; Гайдуков, Дубровин; Покровская; Pokrovskaya]. Планируется составление специального каталога вещей X—XV в. с языческой и христианской символикой [Мусин и др.]. Обращено внимание на семантику художественно оформленных предметов из дерева в новгородском жилище и их классификацию [Пухначева, 1993; Пухначева, 1994; Pukhnachova]. Исследуется процесс формообразования в сакральной деревянной скульптуре [Бурганова].

Менее всего разрабатывался стилистический анализ орнаментики. Обращение к стилистике возникает спорадически и либо бывает направлено на уточнение конкретных определений, либо

² Такая рекомендация была высказана в процессе обсуждения доклада автора статьи на VIII Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» в 2015 г.

оценка дается в общем виде. Отмечено, что декор новгородской деревянной резьбы X в. схематичен, лаконичен и геометричен; к XI–XII в. относятся наиболее гармоничные примеры, в XIII–XV в. усиливаются стилизация и детализация, наряду с созданием выдающихся произведений упрощается стиль [Pukhnachova, p. 390, 391, 397]. При анализе скульптурных изображений ритуальных наверший различаются реалистическая и стилизованная манеры исполнения. При этом к реалистическим отнесены изображения, выполненные в геометризованной и ритмизованной манере, а к стилизованным — в обобщенной элементарной манере [Pokrovskaya, p. 404, 405, 414, fig. 24.2: 2; 24.3: 1, 3; 24.4: 3]. Для характеристики изображения как реалистического недостаточно наличия в нем основных частей морды или фигуры зверя и правильного порядка их расположения; важен характер изображения, близкий к реальности или далекий от нее. Узнаваемость облика зверя еще не делает изображения реалистическими³. Характеристика изображения как стилизованного должна дополняться конкретной характеристикой стилистики. Систематическое применение подробного стилистического анализа к сериям изделий способно обеспечить важные общие и достаточно тонкие конкретные результаты. Предлагаемая работа призвана начать заполнение этого пробела.

Идолообразные антропоморфные изваяния, идола и домовые IX–XI в. из Новгорода и Старой Ладogi созданы в духе языческой эстетики, для которой важна изобразительность [Пуцко, с. 28]. Они выполнены практически без какой-либо декоративности, элементарными приемами, с выделением головы и показом крупных, грубых, даже устрашающих черт лица (Рис. 1). В них нет радующей глаз красоты. Для антропоморфных изображений, как правило, не характерны сколько-нибудь выдержанные ритмические соотношения деталей [Жилина, 2016б]. Простая орнаментация или пропорциональность являются скорее исключением (Рис. 1: 5, 6). Преобладает геометризованность деталей и основных объемов [Бурганова, с. 79] (Рис. 1: 1–6). Голова воспринимается как концентрированное выражение воли божества [Леонова, с. 23]. Такая сакральная скульптура была призвана показать свою внутреннюю силу, способность реально действовать в человеческом мире. Языческие идола завоевывают пространство вокруг себя [Бочаров, с. 128; Бурганова, с. 31, 35, 54, 62, 70, 71; Жилина, 2016б].

В X в. по произведениям наблюдается пласт народного искусства, первобытно-обобщенная достилевая трактовка звериных образов с помощью выделения основных объемов фигуры зверя. Детали трактованы выразительно, с долей реалистичности и с долей схематичности [Динцес, с. 475] (Рис. 2: 1–3).

Выделяется и группа произведений с чертами начальной стилизации, основанной на использовании ритмически повторяющихся отрезков прямых и кривых линий как при общем формировании фигуры, так и при дополнении ее орнаментацией (Рис. 2: 4–7). Такие явления заметны по примерам наверший первой половины XI в. [Wood Use, fig. 14.7: 4, 6]. Кривые, очерчивающие внешний контур, сходны у нескольких изображений коня, соответствуют центральной линии, строящей его фигуру (Рис. 2: 4, 5).

Типичная русская трехгранно-выемчатая резьба, сочетаясь с деталями звериных образов, дает геометрическую стилизацию при изображении пасти, в последующее время это продолжается в формировании амулетов развитого древнерусского периода (подвески-челюсти) (Рис. 2: 8).

В деревянной резьбе проявляются и элитарные средневековые стили⁴. В X в. на Руси известны орнаментальные стили скандинавского искусства: Осеберг, Борре и Еллинг [Лебедев,

³ Л. В. Покровская причисляет к реалистическим и произведения народного искусства, выполненные в обобщенной манере на достилевом уровне с определенной приближенностью к реальности, и произведения с начальной долей стилизации и ритмизации изображения. В итоге, по ее данным, получается, что реалистические изображения были более ранними [Pokrovskaya, p. 41, 415]. На наш взгляд, в это представление следует внести коррективы.

⁴ Принято использование понятия «стиль» не только для крупных эпох, но и для отдельных периодов и различных направлений искусства, оно применяется и для разделения средневекового археологического материала [Клейн, с. 136–140].

2005, с. 308—313]⁵. Наиболее ранние их примеры на деревянных изделиях связаны с воспроизведением скандинавских орнаментов, пока не дополненных, не измененных.

На ручках чаш и наверху — плетеный орнамент (Рис. 3: 1—3). Характерные черты скандинавского плетения: узловатость, треугольная форма узла, асимметричность. Примеры такого плетения встречаются в германских стилях с конца VIII до XI в.: Броа, Осеберг, Борре, Еллинг [Jansson, р. 18, 33, 36, 44, fig. 3, 19, 23, 32; Смирницкая, 2012, с. 153, рис. 2: 14].

Форма ручек иногда становится иной, художественная стилизация звериных голов передает мотив S-овидного зверя, важной составляющей германских и скандинавских звериных стилей VI—X в. [Смирницкая, 2012, с. 149, 150, рис. 14: 10, 13, 18; 16: 9, 10] (Рис. 3: 4, 5). В других случаях форма более проста (Рис. 3: 6, 7). Как отдельный орнамент воспроизводится и ромбическая сетка (Рис. 3: 8). Высокохудожественное воспроизведение орнамента в стиле Еллинг относится к XI в. [Колчин, табл. 19: 1, 2]. В X — начале XI в. скандинавские стили присутствуют в искусстве Руси в наиболее чистом виде, дают образец и одну из основ для дальнейшего орнаментального развития и синтеза.

Другим стилем, ярко проявившимся в искусстве Руси в X в., был так называемый растительный декоративный стиль с пышными, как будто разбухшими листьями. Его распространение характерно для целого ряда регионов [Орлов, с. 33, 50; Жилина, 2014б, с. 292, 293, рис. 8]. Стиль широко использовался в художественном металле, его ярких чистых примеров в деревянной резьбе нам пока не удалось найти.

В последующий период, во второй половине XI в., проявляется мощное воздействие на русское искусство византийской орнаментики. Византийский вариант плетеного орнамента отличается регулярностью, четкостью, симметричностью, геометрическим строем. Примером являются шиферные плиты Софийского собора в Киеве XI в. [Архипова, ил. 625, 628; Жилина, 2016а, рис. 1: 10]. Византийский растительный орнамент основан на композиции регулярно выходящей ветви — «виноградной лозы» — и на орнаментально делимой и умножаемой фигуре трилистника (крин), очерченного строгими упругими кривыми. Эта стилистика отлична от орнаментики декоративно-растительного стиля X в., характеризующегося пышными, «разбухшими» растительными элементами.

XI — первая половина XII в. Геометризованность изображения в деревянной резьбе бывает связана с техникой резьбы, в частности, с таким ее видом, как трехгранно-выемчатая. Но геометризм деревянной резьбы отражает и стилистические тенденции времени.

В ряде случаев, на ручках деревянных чаш, растительный орнамент недалеко ушел от геометрического (Рис. 4: 2—4). Геометрический орнамент дополняет растительный, поскольку промежутки между крупными геометризованными растительными элементами имеют геометрическую форму, резной зигзаг образует бордюр (Рис. 2: 5а). В X—XI в. растительные элементы имеют подтреугольные заостренные окончания, соединяются с плетеным орнаментом (Рис. 4: 1, 6) [Wood Use, fig. 8.2: f]. Резная цера содержит византийскую композицию выходящего побега, витки которого приближаются к окружностям (циркульным кривым), листья вписанного в них пятилистника очерчены угловатыми линиями (Рис. 4: 5а, б).

Части резных орнаментированных дубовых колонн найдены в слоях конца XI — начала XII в. (ярус 21 — 1096—1116 г.). Во вторичном использовании они играли роль подкладок под нижний венец дома конца XI в., а их изготовление приходится на 40—80-е годы XI в. [Колчин, с. 24, 25]. Растительный орнамент одной из колонн дает пример стилистического синтеза. Крупный трилистник имеет подтреугольную форму и дробную внутреннюю орнаментальную

⁵ Благодарю Е. В. Смирницкую за консультацию по орнаментике германских звериных стилей и возможность использовать материал спецкурса «Германский звериный стиль раннего Средневековья», читаемого Е. В. Смирницкой на кафедре археологии МГУ.

разделку параллельными слабоизогнутыми кривыми. Это выглядит как «приглушенная» или геометризованная пышность прежнего декоративного растительного стиля X в., от которой осталась только сложная структура растительного мотива. Это могло произойти под влиянием строгих норм византийского орнамента. В общей композиции присутствуют и другие его мотивы и элементы. Нижние части трилистника превращены в спиральные завитки, сохранившие сложность организации и пышность. Отходящие от завитков стебли изгибаются, ложась параллельными складками. Их продолжает выходящий побег с трилистником внутри, очерченный удлиненной кривой (Рис. 4: 6б).

На расписной ложке XII в. использован четкий завитковый орнамент в правильной композиции четырехчастной розетки (Рис. 4: 7).

Зооморфные мотивы сочетают геометризованность и плавную моделировку. На зооморфных навершиях пасти зверей очерчены прямыми или слабоизогнутыми кривыми (Рис. 4: 8–11, 13), уши и хвосты — ломаными линиями (Рис. 4: 9, 10, 12). Глаза имеют круглую или геометричную форму (Рис. 4: 9–11, 13).

На колоннах сохранились части звериных и антропоморфных изображений, соединенные с нерегулярным плетеным орнаментом и густыми веерообразными завитками. В этом сказываются традиции германских и скандинавских стилей орнаментации. Вместе с тем для изображений животных можно отметить новые черты: геометризованность построения и оформления. Контуры и оси туловища и лап даны или почти прямыми линиями, или слабоизогнутыми и циркульными кривыми (Рис. 4: 14а–в).

Возможность судить об антропоморфных изображениях дают навершия с изображением руки: для конца XI — начала XII в. характерна схематичная геометризованная манера [Рокровская, р. 408, 409, fig. 24.6: 1, 2] (Рис. 4: 15).

Плетеный узловатый орнамент колонн и булавы 1096–1116 г. сохранил традиции скандинавских стилей, но распространяется и регулярное плетение в византийской традиции (Рис. 4: 6, 14г, д; 16–18).

Аналогичные черты характерны и для орнаментики ювелирных изделий, где сказываются также статика и аскетизм передачи христианских сюжетов, геометризм растительных мотивов [Жилина, 2016а, рис. 1: 22–33]. Параллели наблюдаются и с каменной резьбой собора Рождества Богородицы в Боголюбове и Успенского собора во Владимире (1150–1160-е годы), Киева и Чернигова конца X — начала XII в. [Жилина, 2016а, рис. 1: 1–14]. Выразительно выглядят и примеры из орнаментики миниатюр: Юрьевское Евангелие, 1119–1128 г.; Мстиславово Евангелие, 1103–1117 г. [Жилина, 2016а, рис. 1: 16–20].

Середина XII в. В этот период преобладают изображения, выполненные на основе кривых линий циркульного характера, на отдельных участках — упругих, на других — слабоизогнутых, обеспечивающих уравновешенное гармоничное изображение.

Некоторые изображения сохраняют геометризованность отдельных растительных элементов (Рис. 5: 1). Спокойные композиции процветшего креста на пряничной доске 1161–1177 г. и резной форме для пасхального блюда дают естественно изогнутые, мало детализированные растительные ветви (Рис. 5: 2а) [Wood Use, fig. 16.10: b].

Стилистически аналогичны и изображения животных, объемные — отличаются подлинной реалистичностью (Рис. 5: 5). На пряничной доске фигура птицы построена и очерчена слабоизогнутыми кривыми линиями, в результате образуется ее довольно широкий силуэт; глаз передан овалом (Рис. 5: 2б). Аналогии имеются на изображениях в технике эмали и черни [Жилина, 2016а, рис. 2: 29–31].

Резной рисунок на деревянных гусях первой половины XII в., по всей видимости, был сделан около середины столетия. Плавные линии образуют контуры естественных силуэтов льва и птицы (Рис. 5: 4б, в). Основная осевая линия фигуры птицы нанесена контурной резьбой, от нее симметрично отходят параллельные линии штриховки (Рис. 5: 4а). Это напоминает более раннюю манеру (Рис. 4: 9, 14). Морды и глаза переданы ломаными линиями и овалами. Рисунок на гусях перекликается со стилем изображений в белокаменной резьбе и черневых ювелирных изделиях: изображение барса (церковь Покрова на Нерли, 1165 г.) и льва на черневом браслете изклада в Твери [Жилина, 2016а, рис. 2: 5, 35].

Для зооморфных скульптурных изображений (навершие, настенный крюк) характерны крутые определенные очертания, переданные циркульными и слабо-изогнутыми на завершениях кривыми (Рис. 5: 3, 6). В некоторых случаях очертания напоминают стилистику перегородчатой эмали [Wood Use, fig. 23.6: 5]. Изображения рук также стали более естественными, приближаясь к реалистической манере [Pokrovskaya, p. 408—410, fig. 23.6: 3] (Рис. 5: 7).

Регулярный в целом плетеный орнамент сохраняет некоторую узловатость, свойственную скандинавской стилистике: навершие, короб 1134—1161 г.; копылы, планка, ложки 1161—1177 г. (Рис. 5: 8—12).

Зооморфные, растительные и антропоморфные мотивы с естественными пропорциями, переданные криволинейно, есть и на ювелирных украшениях [Жилина, 2016а, рис. 2: 26—40]. Аналогичные стилистические черты отмечены и для рельефов собора Покрова на Нерли 1165 г., Успенского собора во Владимире 1185 г., на примерах резьбы из Киева, мозаики из Чернигова [Жилина, 2016а, рис. 2: 1—14]. В плетеном орнаменте во всех видах искусства возрастает регулярность [Жилина, 2016а, рис. 2: 11, 23, 36, 37].

В живописи и миниатюре Древней Руси в это время отмечается возрастание динамики и экспрессии за счет линейной стилизации и языка жеста. В качестве примеров для сравнения можно привести начертания растительных элементов (кринов) из росписей церквей XII в. Бориса и Глеба в Кидекше 1152 г., Успенского собора во Владимире 1161 г., Кирилловской церкви в Киеве 1170-х годов; зооморфные фигуры инициалов новгородских евангелий середины — второй половины XII в. [Жилина, 2016а, рис. 2: 15—25].

Конец XII — XIII — начало XIV в. В растительном орнаменте на деревянных расписных ложках присутствует развитый вариант византийского кринообразного орнамента. В основе композиции лежат выходящие побеги, очерченные удлинёнными кривыми, называемыми в начертательной геометрии лекальными (Рис. 6: 2а, б, в; 3а). Основной мотив — трилистник (крин) — также имеет удлинённые, изгибающиеся листья. Удлинённые изгибистые побеги соединяются с плетеным орнаментом на детали мебели (Рис. 6: 1).

В зооморфной пластике конца XII в. (резное навершие) продолжается обобщенная трактовка с выделением лишь основных объемов тела. Тем не менее общее строение характеризуется ритмичностью и подчинением плавным кривым (Рис. 6: 4).

Такие характеристики сохраняются до конца XIII — начала XIV в., но очертания становятся в целом более удлинёнными. Деревянная скульптура 60—80-х годов XIII в. с изображением руки, зажимающей зверя (Рис. 6: 5), более всего перекликается с белокаменной резьбой, в частности — Рождественского собора в Суздале [Жилина, 2016а, рис. 3: 8]. Черты звериной морды нанесены плавными кривыми. Аналогичен и лаконичный контур птицы на расписной чаше (Рис. 6: 8).

Изображение льва на деревянной ложке выглядит динамично благодаря сочетанию упругих и удлинённых криволинейных осей (Рис. 6: 2в). Эти черты приближают изображения животных к реалистичности.

Наиболее стилистически продвинутыми являются рисунки звериных голов, слитых с растительным кринообразным орнаментом. Они украшают небольшую по размеру подписанную ложку Ивана Варфоломеевича (1299—1313 г.), принадлежавшую маленькому сыну новгородского посадника Варфоломея. Звериные головы трактованы утрированно изгибающимися кривыми и вследствие этого получили удлинённые очертания. Это придает всему орнаменту динамику (Рис. 6: 3б).

В третий период значительно более выразительны и динамичны антропоморфные изображения. Несмотря на разное культурное наполнение, связанность с языческими или христианскими сюжетами и смыслом, для этих изображений можно отметить сходство стилистических тенденций. Это, во-первых, движение к реалистичности и монументальности, передаче правильных черт и пропорций лица и фигуры. Во-вторых — это передача динамики, движения.

Резная голова-навершие 1224—1238 г., продолжающая, очевидно, линию языческих произведений, имеет удлинённо-утрированные пропорции. Очертания лица, уха и ось положения головы относительно шеи решены лекальными кривыми, приближающимися к параболе (Рис. 6: 7). Б. А. Колчин отметил реалистичность этого лаконичного произведения [Колчин, с. 44]. Сходное по экспрессии и стилистике антропоморфное навершие XIV в. происходит с Троицкого раскопа [Wood Use, fig. 24.1: 3].

Фигуры воинов на домонгольской чаше и ложке Ивана Варфоломеевича характеризуются правильными пропорциями тела, но увеличенной головой, что придает изображениям человека монументальность (Рис. 6: 3в, 6).

Фигура всадника на вздыбленном льве на другой расписной ложке выглядит значительно более динамично: напряженность в изогнутости корпуса и резком размахе рук, вьющиеся волосы. Она наполнена энергией движения и также приближенностью к реальности (Рис. 6: 2г). Аналогичными чертами характеризуется и фрагментарно сохранившийся сюжет с головой воина в митрообразном княжеском головном уборе с птицей (Рис. 6: 8б). Наблюдается возросшая внимательность и подробность в передаче деталей. Показано сегментообразное членение княжеской шапки и начельное изображение в виде трилистника или фигуры архангела (Рис. 6: 8б). Аналогичные изображения головных уборов представлены на миниатюрах Лицевого летописного свода [Жилина, 2013, с. 14, 15; рис. 7: 5]. Детализированы и части костюма: орнаментированные запястья, сапоги; оружие и доспех (Рис. 6: 2г, 3в, 6а, 6).

Плетеный орнамент характеризуется плотностью и возросшей регулярностью (Рис. 6: 2д, 9, 10).

В орнаментике ювелирных украшений данного периода все орнаментальные элементы получают утрированно криволинейные формы, становясь от этого или чересчур изгибистыми, или пышными; усложняются, уплотняются все виды орнаментов. Антропоморфные изображения также становятся более подробными и детализированными, плетеный орнамент — более регулярным [Жилина, 2016а, рис. 3: 34—49].

Яркие параллели данной стадии имеются в каменной резьбе Дмитриевского и Успенского соборов во Владимире конца XII в., Рождественского собора в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве Польском первой трети XIII в. [Жилина, 2016а, рис. 3: 1—21]. В живописи и миниатюре при динамике и линейной стилизации формы побегов и силуэты животных усложнены и более натуралистичны. Это наблюдается по росписям церкви св. Георгия в Старой Ладогe 1160—1180-х годов, Дмитриевского собора во Владимире 1194—1197 г., церкви Спаса на Нередице 1199 г., по миниатюрам Пантелеймонова Евангелия [Жилина, 2016а, рис. 3: 22—33].

Общая таблица суммирует сделанные наблюдения и демонстрирует стилистические изменения всех видов орнаментации от стадии геометризованного изображения через стадию естественных к утрированным и пышным (Рис. 7).

В итоге можно сделать следующие выводы. В раннем материале резьбы произведений из дерева ярче проявляются черты народного искусства. Идолообразные изображения IX—XI в. соответствуют языческой эстетике, характеризуются элементарной изобразительностью с акцентацией крупных, грубых черт лица почти без декоративности. Звериным образам X в. свойственно обобщенное выделение основных объемов наряду с выразительной трактовкой важных деталей, присутствует комбинация принципов реалистичности и декоративности. Появляются произведения с устойчивой стилизацией, с построением изображения и декора с помощью ритмически повторяющихся линий.

В X — начале XI в. в деревянной резьбе проявляются и элитарные средневековые стили: скандинавские, сказавшиеся как в орнаментации, так и в форме резных рукоятей. Можно отметить проявление отдельных черт растительного декоративного стиля X в.

В последующий период второй половины XI — первой трети XIII в. материал резьбы и росписи по дереву соответствует трем основным этапам систематизированного материала по прикладному искусству, белокаменной резьбе в архитектуре, монументальной живописи и миниатюре [Жилина, 2014а, с. 61—70, 88, 89, 115, 140, 160—162; Жилина, 2015; Жилина, 2016а].

В работе объединены данные стилистического анализа художественных произведений и археологического метода датирования с помощью дендрохронологии. В итоге удалось получить еще одну твердую хронологическую основу для подтверждения основных этапов стилистического развития древнерусского орнаментального искусства, а также обогатить за счет нового материала представление о развитии древнерусской орнаментики.

Литература

- Архипова Е. И. Архитектурный декор и монументальная пластика Киевской Руси. Конец X — первая четверть XII века // История русского искусства в 22 томах. М., 2007. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII века. С. 569—617.
- Бибикова И. М. Монументально-декоративная резьба по дереву // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 57—108.
- Бочаров Г. Н. Русская деревянная скульптура // Дерево в архитектуре и скульптуре славян. Пер. с французского. М., 1987. С. 127—151.
- Бурганова М. Русская сакральная скульптура. М., 2003.
- Василенко В. М. Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 326—332.
- Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е. Антропоморфное деревянное навершие с Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 23—25 января 1996 г.) Новгород, 1996. Вып. 10. С. 80—83.
- Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. II. С. 465—491.
- Дубровин Г. Е. Зооморфные деревянные навершия // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 62—64.
- Жилина Н. В. Мужской русский головной убор второй половины XIII — XVII в. и его украшение // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 1. 2013. № 6. С. 3—29.
- Жилина Н. В. Древнерусские клады IX—XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. [Жилина, 2014а]
- Жилина Н. В. Древнерусское прикладное искусство в эпоху становления государственности // Русь в X—XII веках. Общество. Государство. Культура. М.; Вологда, 2014. С. 286—298. [Жилина, 2014б]
- Жилина Н. В. Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 44—45.

- Жилина Н. В. Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 129–142. [Жилина, 2016a]
- Жилина Н. В. Славянские идолы (к изучению монументального искусства славян VI–IX вв.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 51–69. [Жилина, 2016b]
- Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. Е1-55. М., 1971.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Леонов А. И., Померанцев Н. Н. Деревянная скульптура // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 109–158.
- Леонова А. К. Деревянная скульптура Белоруссии // Дерево в архитектуре и скульптуре славян. Пер. с французского. М., 1987. С. 23–33.
- Лившиц Л. И. Белокаменная резьба Северо-Восточной Руси // История русского искусства в 22 томах. М., 2015. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века. С. 354–431.
- Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М., 2012.
- Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // Российский археологический ежегодник. СПб., 2016. № 5–6. С. 157–170.
- Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52.
- Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. // Советская археология. 1989. № 2. С. 88–96.
- Покровская Л. В. Культовые предметы средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Торжок, 2004. Вып. 1. С. 67–84.
- Пухначева Е. Ю. Деревянные художественные изделия в ансамбле новгородского жилища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1993. № 7. С. 170–178.
- Пухначева Е. Ю. К вопросу о классификации новгородских художественных изделий из дерева // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород. 28 сентября – 2 октября 1992 г. Новгород, 1994. С. 101–108.
- Пуцко В. Г. Резное дерево в средневековой Руси // Родная старина. Сборник статей. Калуга, 2012. С. 20–50.
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Смирницкая Е. В. К вопросу о стилистических принципах средневекового зооморфного орнамента (На материале древнерусских серебряных наручей) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 128–142.
- Смирницкая Е. В. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика. М., 2012. Вып. X. С. 131–182.
- Jansson I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet (Archaeological Studies. Uppsala University Institute of North European Archaeology. Aun 7. Uppsala, 1985).
- Pokrovskaya L. V. Ritual objects from Novgorod: The finds from Troitsky excavations 1973–1999 // Wood Use in Medieval Novgorod. Oxford, 2007. P. 399–417.
- Pukhnachova E. Y. Decoratively carved wood: Structural elements of buildings household and ritual objects // Wood Use in Medieval Novgorod. Oxford, 2007. P. 382–398.
- Wood Use in Medieval Novgorod. Oxford, 2007.
- Zhilina N. The Stylistic Unity between Ornamentation of Adornments from Hoards and Architectural White Stone Carving of Old Rus' // 21st Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Glasgow. 2015. 2–5 September. Abstracts of the Oral and Poster Presentations. Glasgow, 2015. P. 433.

N. V. Zhilina

Institute of archeology, The Russian academy of sciences (RAS), Moscow, Russia

CARVING AND PAINTING ON THE WOOD IN OLD RUS': CHRONOLOGY OF STYLISTIC DEVELOPMENT

Stylistic analysis of the ornamentation of Old Rus' wooden works of the 10th — early 14th century is carried out in the article, as well as consideration of the development of this ornamentation within the systematized material upon Old Rus' ornamentation is made. Most wooden products have exact dendrochronological dates. When comparing ornamental images, the method of collation of the curves which are underlying in the motifs and elements is used. As a result, it was possible to obtain yet another firm chronological basis for confirming the main stages of the stylistic development of Old Rus' ornamental art as well as to enrich the representation about the development of Old Rus' ornamentation in the whole with new material.

Keywords: Old Rus' art, ornamentation, carving, painting, wood, stylistic analysis, stage, curves

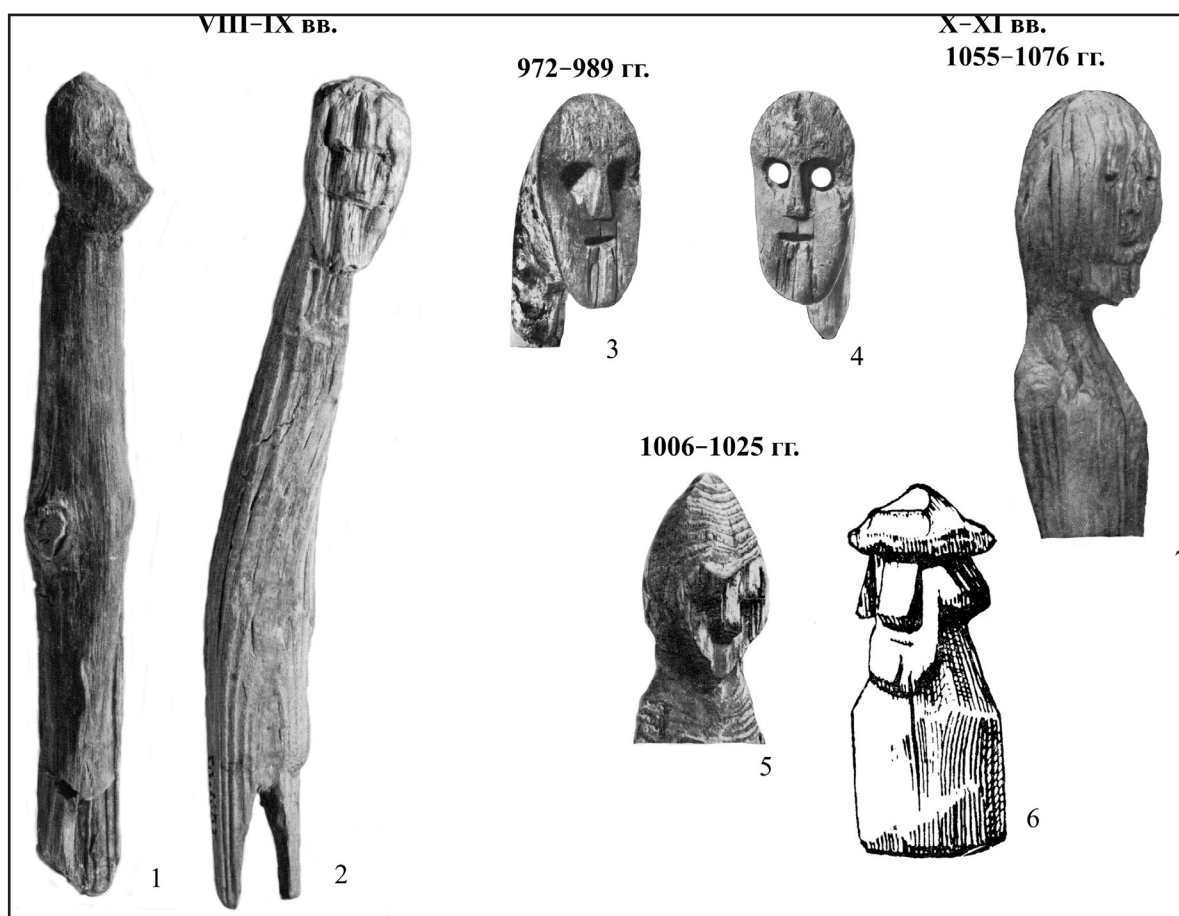

Рис. 1. Антропоморфная деревянная скульптура IX–XI вв.: 1, 2 – Старая Ладога, VIII–IX вв. [Меч, 2012, с. 123. № 335, 336]; Новгород Великий – 3, 4 – вторая половина X в., 27-25-998 (Здесь и далее приведены паспорта находок по Неревскому, Ильинскому – Ил, Суворовскому – Сув, Троицкому – Тр – и Тихвинскому (Тих) раскопам в Новгороде); [Колчин, 1971, табл. 34: 1, № 224]; 5 – начало XI в., 25-27-1520 [Колчин, 1971, табл. 42: 5, № 231]; 6 – середина XI в., 23-28-1166 [Колчин, 1971, рис. 17: 2, № 230] (в публикации Б. А. Колчина для находки указана дата середины X в., но паспорт указывает на 23 ярус, то есть, дату середины XI в. Возможно, в обозначении паспорта допущена ошибка); 7 – 23-31-1447 [Колчин, 1971, табл. 42: 1. № 233].

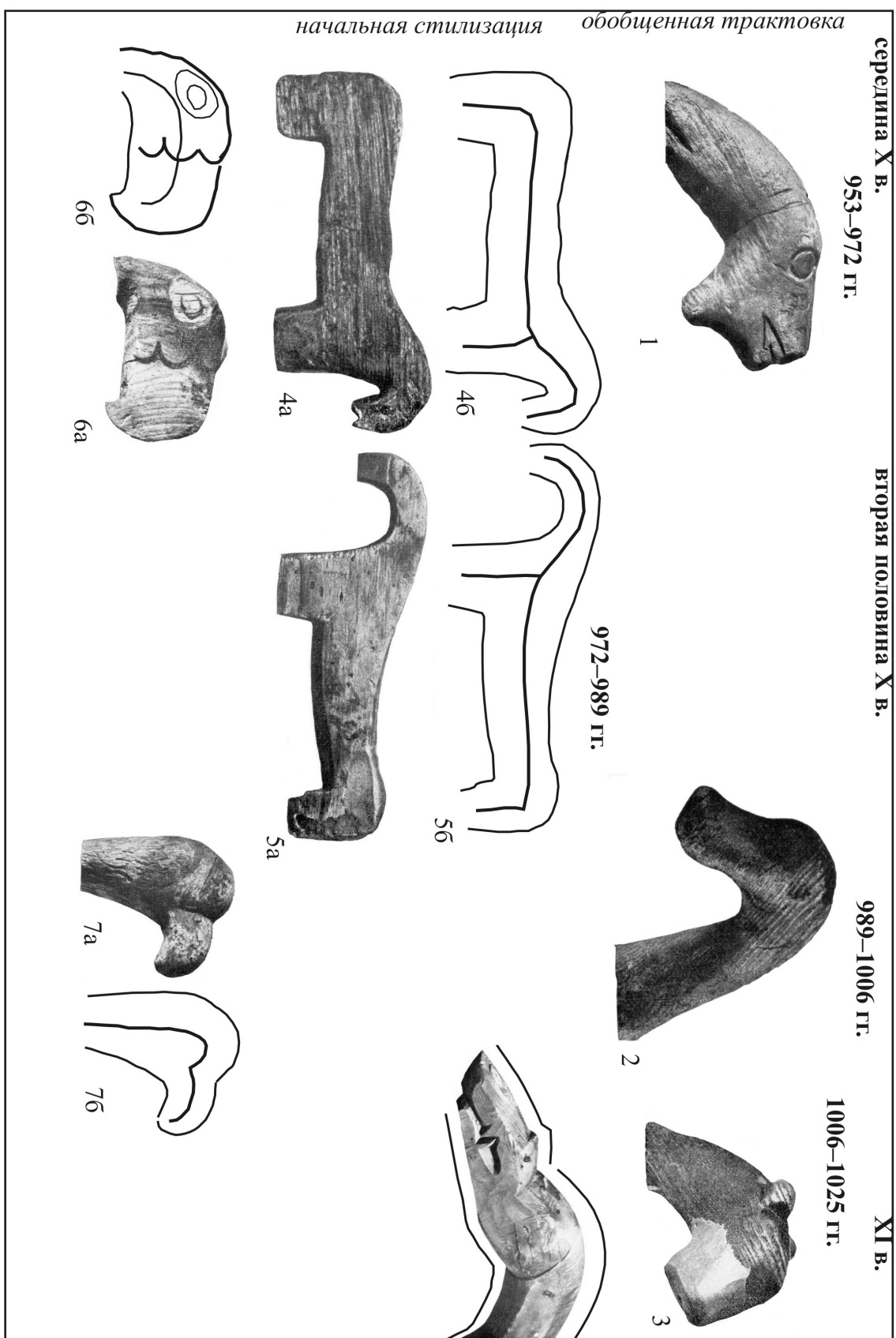

Рис. 2. Трактовка образа зверя в деревянной резьбе. Новгород Великий: 1 — ручка ковши, середина X в., 28-33-148 [Колчин, табл. 25: 2, № 195]; 2 — конец X — начало XI в., 26-29-312 [Колчин, табл. 23: 3]; 3 — первая четверть XI в., 25-27-924 [Колчин, табл. 24: 2]; иржушка, изображение коня — 4 — середина X в., 28-30-1055 [Колчин, табл. 38: 5]; 5 — 27-34-1439, середина — вторая половина X в. [Колчин, табл. 38: 3, № 252]; скульптурные птичьи головы — 6 — середина X в., 28-31-1044 [Колчин, табл. 37: 2, № 237]; 7 — конец X — начало XI в., 26-29-888 [Колчин, табл. 37: 3, № 244]; 8 — «курица», опорная деталь крыши, изображение морды дракона, XI в., Ил-28-348 [Колчин, табл. 30: 2, № 212a]

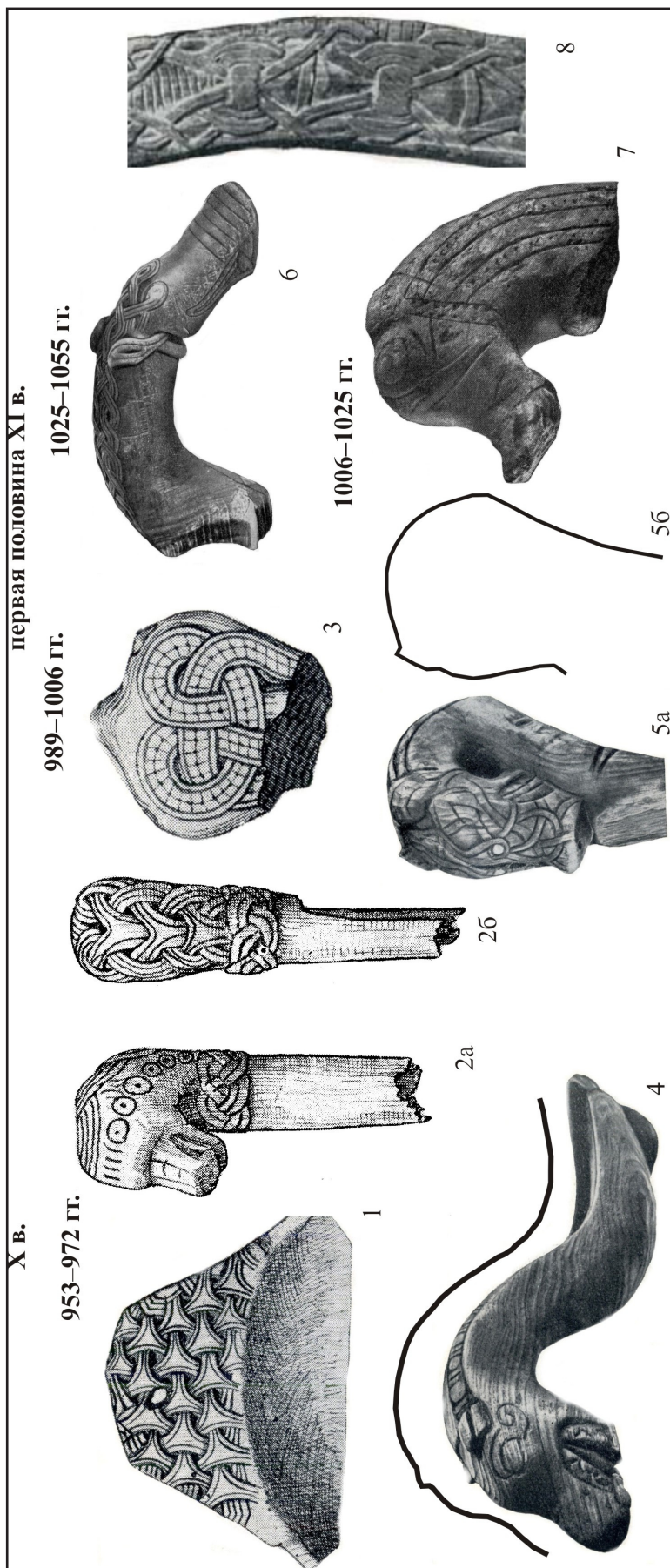

Рис. 3. Плетеный и зооморфный орнамент в скандинавских традициях X в. в деревянной резьбе из Новгорода Великого: 1, 3 — ручки чаш (28-31-901; 26-25-471) [Колчин, табл. 1: 3, 10; № 7]; 2 — звериноголовое навершие, середина X в., 28-34-1198 [Колчин, рис. 15: 6, № 249]; ручки ковшей — 4 — середина X в., 28-36-155 [Колчин, табл. 23: 2, № 189]; 5 — конец X — начало XI в., 26-27-918 [Колчин, табл. 26: 3, № 199]; 6 — первая половина XI в., 24-28-794 [Колчин, табл. 23: 1, № 190]; 7 — начало XI в., 25-31-751 [Колчин, табл. 24: 7, № 201]; 8 — брус, начало XI в., Сув.-37-22 [Колчин, табл. 19: 4, № 139a]

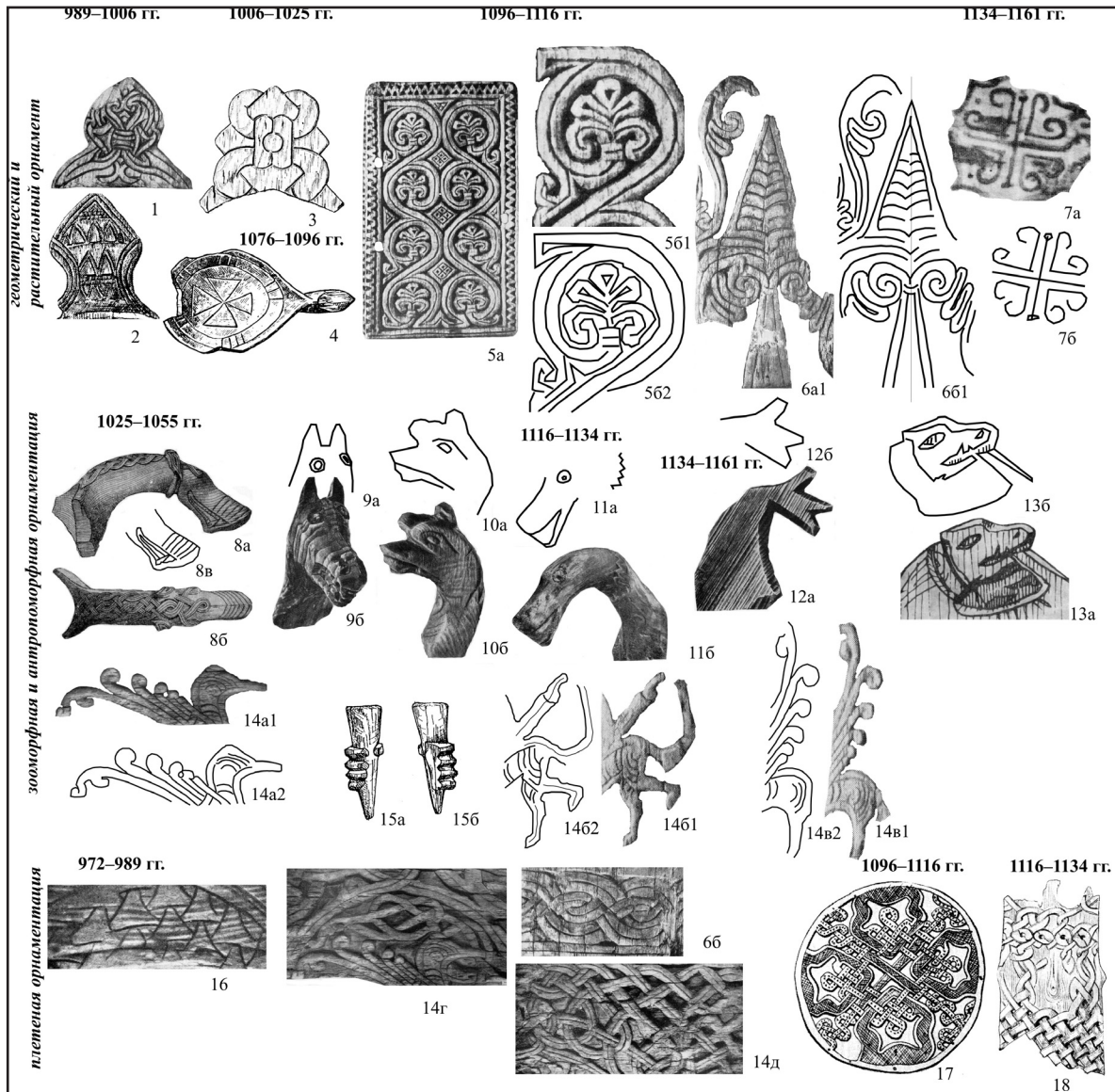

Рис. 4. Стилистический этап 1, XI — первая половина XII в.: деревянная резьба, ручки чаш — 1 — 26-30-2064, 2 — 26-26-957, 989—1006 г.; 3 — 25-27-1837, 1006—1025 г. [Колчин, табл. 2: 1, 1: 5, 2: № 4, 5, 6]; 4 — ложка, 22-27-102, 1076—1096 г. [Колчин, табл. 3: 36, № 42]; 5 — цера, 21-23-1589, 1096—1116 г. [Колчин, табл. 6: 2, № 79]; 6 — колонна, 21-20-139, 1096—1116 г. [Колчин, табл. 9: 1, 12: 1, 11: 1; № 110]; 7 — роспись ложки, 19-24-1259, 1134—1161 г. [Колчин, табл. 45: 2, № 305]; резные ручки ковшей — 8, 11 — 24-28-794 (1025—1055 г.), 20-23-1529 (1116—1134 г.) [Колчин, табл. 23: 4, рис. 14: 9; № 193, 190]; 9, 10 — скульптуры, Ил-24-30, Ил-24-54, XI в. [Колчин, табл. 28: 1, 48: 2; № 209]; 12 — игрушка, фрагмент, 19-28-1447, 1134—1161 г. [Колчин, табл. 40: 3]; 13 — гусли, резная деталь, Тих-21-23, первая половина XII в. [Колчин, рис. 4: 5, № 82]; 14 — колонна, 21-2-138, 1096—1116 г. [Колчин, табл. 9: 2; 10: 1, 11: 2; № 109]; 15 — навершие с изображением руки, Тр-VIII-13-754, конец XI — начало XII в. [Wood Use, fig. 24.6: 1]; 16 — крышка кадки, 27-26-523, 972—989 г. [Колчин, табл. 2: 3, № 13]; 17 — туес берестяной, резной, 21-26-145, 1096—1116 г. [Колчин, табл. 43: 7, № 291]; 18 — ручка булавы, 20-28-744, 1116—1134 г. [Колчин, рис. 7: 13]

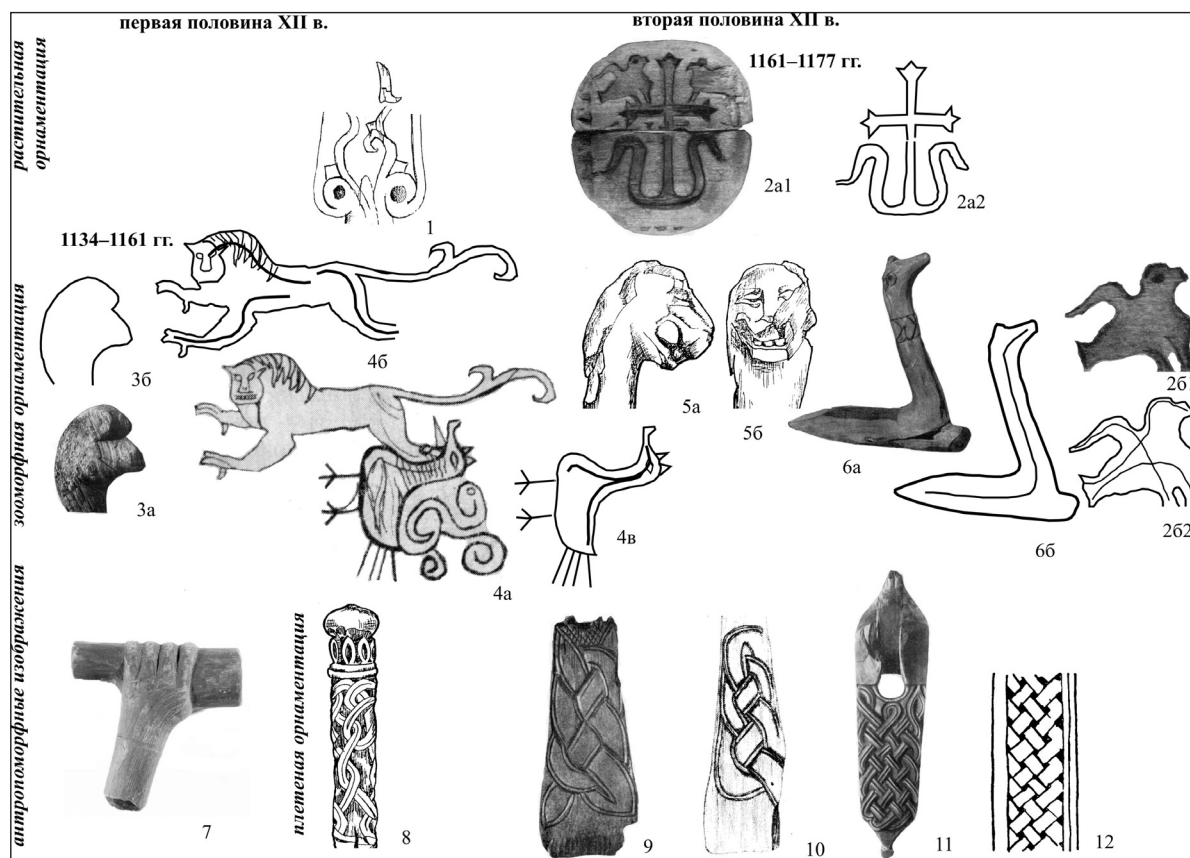

Рис. 5. Стилистический этап 2, середина XII в., деревянная резьба: 1 — наверхие прялки, Тр-VIII-10-778, XII в. [Wood Use, fig. 9.4: 2]; 2 — пряничная доска, 18-23-68, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 4: 1, № 47]; 3 — наверхие, 19-24-175, 1134–1161 г. [Колчин, табл. 48: 4]; 4 — рисунок на гуслях, Тих-21-23, первая половина XII в. [Колчин, рис. 4: 4, № 82]; 5 — зооморфное наверхие, Тр-10-731, XII в. [Wood Use, fig. 23.6: 4]; 6 — настенный крюк, 18-23-1207, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 31: 9, № 213]; 7 — наверхие с изображением руки, Тр-12-10, XII в. [Wood Use, Ph. 510]; 8 — наверхие, Тр-16-453 [Wood Use, fig. 23.7: 3]; 9, 10 — копылы, детали саней, 18-15-1713, 18-16-1699, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 5: 1, 1: 16; № 64, 65]; 11 — планка для вешалки, 18-24-1375, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 7: 4, № 86]; 12 — ложка, 18-21-8, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 3: 12, 29, № 22]

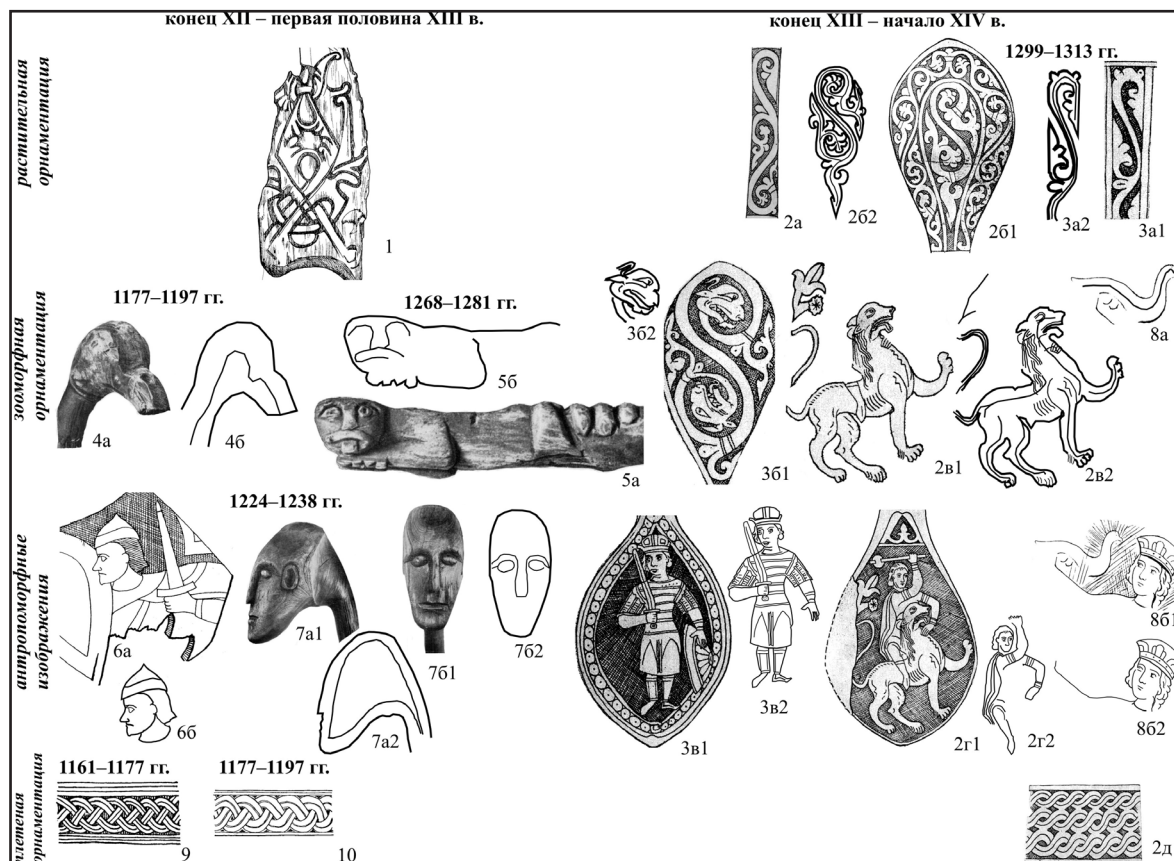

Рис. 6. Стилистический этап 3, конец XII – XIII в.: 1 – деталь мебели, Тр-11/12-1139, XII в. [Wood Use, fig. 23.1: a]; 2, 3 – расписные ложки, 11-14-1643, 11-19-2145 – Ивана Варфоломеевича, 1299–1313 г. [Колчин, табл. 46: 3, 4, 6, 7; 46: 1, 2, 5; № 310, 311]; 4 – резное навершие, 17-16-1004, 1177–1197 г. [Колчин, табл. 37: 9]; 5 – скульптура, 13-21-1448, 1268–1281 г. [Колчин, табл. 33: 1, 2; № 223]; 6 – расписная чаша, 15-17-902, 1224–1238 г. [Колчин, табл. 47: 1, № 312]; 7 – резная голова, 15-19-329, 1224–1238 г. [Колчин, табл. 35: 2, № 226]; 8 – чаша, 11-12-1060, 1299–1313 г. [Колчин, табл. 47: 3, № 313]; резные ложки – 9 – 18-27-1370, 1161–1177 г., 10 – 17-20-1541, 1177–1197 г. [Колчин, табл. 3: 34, 28; № 23, 21]

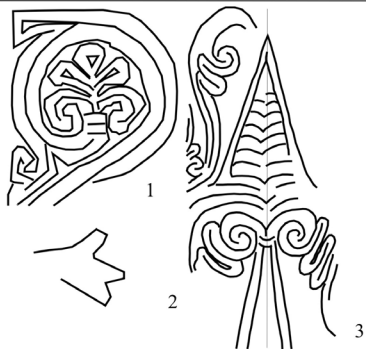
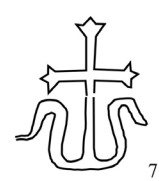
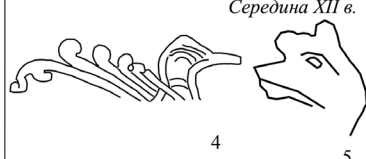
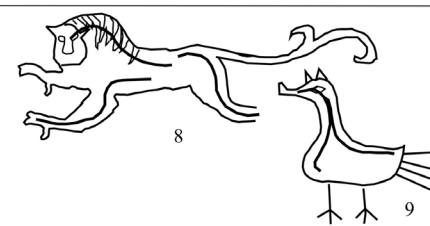
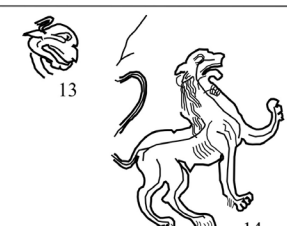
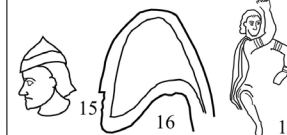
	XI – первая половина XII в.	середина XII в.	конец XII – XIII–начало XIV в.
растительная орнаментация			
зооморфная орнаментация	<i>Середина XII в.</i> 		
антропоморфные изображения			

Рис. 7. Основные этапы стилистического развития орнаментальных изображений (прорисовки Н. В. Жилиной): 1-й этап – 1 – цера, 21-23-1589, 1096–1116 г. [Колчин, табл. 6: 2, № 79]; 2 – игрушка, фрагмент, 19-28-1447, 1134–1161 г. [Колчин, табл. 40: 3]; 3 – колонна, 21-20-139, 1096–1116 г. [Колчин, табл. 9: 1, 12: 1, 11: 1; № 110]; 4, 6 – колонна, 21-2-138, 1096–1116 г. [Колчин, табл. 9: 2, 10: 1, 11: 2; № 109]; 5 – скульптура, Ил. 24-54, XI в. [Колчин, табл. 48: 2]; 2-й этап – 7 – пряничная доска, 18-23-68, 1161–1177 г. [Колчин, табл. 4: 1, № 47]; 8, 9 – рисунок на гусях, Тих-21-23, первая половина XII в. [Колчин, рис. 4: 4, № 82]; 3-й этап – 10 – навершие с изображением руки, Тр-ХП-13-1405, XII в. [Wood Use, fig. 24.6: 3]; 11, 14, 17; 12, 13 – расписные ложки, 11-14-1643, 11-19-2145 – Ивана Варфоломеевича, 1299–1313 г. [Колчин, табл. 46: 3, 4, 6, 7; 46: 1, 2, 5; № 310, 311]; 15 – расписная чаша 15-17-902, 1224–1238 г. [Колчин, табл. 47: 1, № 312]; 16 – резная голова, 15-19-329, 1224–1238 г. [Колчин, табл. 35: 2, № 226]